

ПРОБЛЕМЫ ГАРАНТИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются проблемы уголовно-процессуальных гарантий по обеспечению прав участников уголовного процесса.

Предоставление субъективных прав дает субъектам права определенные предпосылки их участия в уголовном процессе. Общеизвестно, что субъективное право может быть успешно реализовано только при условии обеспечения его соответствующими гарантиями. Гарантии прав участников уголовного процесса в самом общем виде представляют собой закрепленные в законе правовые средства, направленные на обеспечение реализации их субъективных прав, на защиту и восстановление прав, нарушенных в ходе производства по уголовному делу.

В настоящее время с принятием УПК РФ можно с уверенностью говорить о существующей системе уголовно-процессуальных гарантий. В механизме обеспечения прав в сфере уголовного судопроизводства в качестве таковых признают в целом уголовно-процессуальную форму, определяющую порядок производства по делу, судебный контроль, обязанности органов и должностных лиц, осуществляющих производство по делу, институт обжалования, институт ходатайств, институт реабилитации, прокурорский надзор.

В основе обеспечительного механизма прав человека в уголовном судопроизводстве лежат основные начала уголовного процесса, закрепленные в Конституции Российской Федерации. Обеспеченность прав человека в сфере уголовного судопроизводства гарантируется судебной властью, осуществляющей свои функции через правосудие и судебный контроль. Другим звеном в системе органов, осуществляющих функцию обеспечения прав человека в означенной сфере, является деятельность органов прокуратуры.

В развитие конституционных начал отраслевое законодательство, регламентируя процедуру возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел, закрепляет собственно уголовно-процессуальные гарантии. Один только перечень поло-

жений, относящихся к основным началам уголовного судопроизводства, дает основание говорить о возможностях российской правовой системы для защиты прав и свобод человека. Однако следует заметить, что сформулированные в декларативном виде, не обеспеченные продуманным механизмом реализации, они нередко бессильны.

Например, само по себе слово «законность» в обыденном понимании ясно всем и несет определенную смысловую нагрузку. Рассматривая названную категорию как принцип уголовного процесса, ученые вкладывают в него различное содержание [1]. И все же совершенно бесспорно, что начала законности в сфере уголовной юрисдикции предполагают прежде всего точное и неуклонное соблюдение уголовно-процессуального закона органами и должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу. Между тем должностные лица, ведущие процесс, не всегда выполняют требование соблюдения уголовно-процессуальной процедуры. Произвол правоприменителя – следствие неконкретизированности требования, возведенного в принцип. Основные начала уголовного судопроизводства, сформулированные и закрепленные в Конституции РФ, должны быть детализированы, наполнены конкретным содержанием. Думается, именно глубокое взаимопроникновение конституционного и отраслевого законодательства дает основание австрийским юристам говорить об уголовно-процессуальном праве как «прикладном конституционном праве» [2].

В связи с этим заслуживает внимания и одобрения редакция норм, закрепляющих отдельные принципы уголовного процесса, содержащиеся в УПК РФ. Вместе с тем следует заметить, что предлагаемая проектом УПК РФ, принятом в первом чтении, новелла, формулировавшая, например, принцип законности при производстве по уголовно-

му делу, включала некоторые положения, более четко направленные на обеспечение его реального действия: «Нарушение закона указанными в части первой настоящей статьи лицами при производстве по уголовным делам недопустимо и влечет за собой установленную законом ответственность, признание недействительными незаконных актов и их отмену... В случае неопределенности вопроса о соответствии Конституции Российской Федерации закона, примененного или подлежащего применению в конкретном уголовном деле, суд обращается в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности данного закона. Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа закону, принимает решение в соответствии с законом» [3]. Подобным образом в проекте был сформулирован и ряд других принципов: осуществление правосудия только судом, судебная защита прав и свобод человека и гражданина, уважение чести и достоинства личности, неприкосновенность личности, охрана прав и свобод граждан при производстве по уголовному делу и другие. К сожалению, не все формулировки принципов, представленные в проекте, вошли в ныне действующий УПК РФ.

Механизм правового воздействия на поведение субъектов в сфере уголовной юрисдикции как комплексная система специальных средств, обеспечивающая нормальное функционирование общества, включает жесткие способы регулирования, нередко связанные со вторжением в конституционные права и свободы граждан. Принуждение – естественный атрибут уголовно-процессуального права, хотя оно, безусловно, не исключает иных методов воздействия на поведение человека. Современная теория права, различая понятия правового воздействия и правового регулирования, справедливо замечает, что правовое регулирование общественных отношений не тождественно принуждению, жесткому и властному предписанию. Последнее свойственно в большей степени правоохранительным нормам и правоотношениям, но этим, конечно же, правовое регулирование не исчерпывается [4].

Известно, что особенностью уголовно-процессуального метода регулирования является его императивность, властность воздействия на поведение субъектов. Вместе с тем уголовно-процессуальное право как отрасль содержит нормы иного характера, например, управомочивающие предоставляющие субъектам определенные права. Вступая в уголовно-процессуальные правоотношения, как правило, по воле государства в силу публичного характера уголовного процесса, субъекты права могут либо воспользоваться предоставленными им законом правами и реализовать их, либо отказаться от их реализации.

Ныне ст. 52 Конституции Российской Федерации устанавливает, что «права потерпевших от преступлений... охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Но от конституционного закрепления права до его воплощения в жизнь – длинная дистанция. Для реализации этого конституционного положения необходимо практически совершить переворот в уголовном процессе, сделав потерпевшего его центральной фигурой. Потерпевшим должно признаваться всякое физическое лицо, которому не только причинен реальный вред, но и когда его права и законные интересы оказались поставленными под угрозу при покушении или приготовлении к совершению преступления [5]. В юридической литературе обсуждается предложение о необходимости материально-правового определения потерпевшего [6]. Потерпевшему следует предоставить право требовать возбуждения уголовного преследования, обжаловать решения, принимаемые в стадии возбуждения уголовного дела, иметь бесплатного адвоката – представителя в процессе, наделенного правом поддерживать обвинение, участвовать в судебных прениях по всем категориям уголовных дел. В законе необходимо четко оговорить право потерпевшего на ознакомление с материалами дела в случае отказа в возбуждении дела, а также прекращения и приостановления производства по делу в стадии предварительного расследования. Причем эта возможность должна быть

предоставлена потерпевшему до вынесения постановления, но не после того, как решение уже состоялось. Ведь именно так решается вопрос при окончании расследования с составлением обвинительного заключения.

Говоря о гарантиях прав человека в уголовном процессе, нельзя не коснуться и проблем развития уголовно-процессуальной формы, поскольку реальность обеспечения прав в этой сфере в немалой степени зависит от того, насколько четко регламентирована процедура производства по делу. Стремление законодателя, с позиции экономии уголовно-процессуальных средств, к внедрению более совершенных с точки зрения современных тенденций форм судопроизводства, с одной стороны, отвечает требованиям нынешнего дня, но, с другой, заставляет задуматься над возможностями обеспечения защиты прав участников уголовного процесса. Так, не получили пока должного разрешения проблемы, связанные с особым порядком принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Изучение практики дает основание говорить о том, что интересы потерпевшего в этой ситуации преданы забвению.

Не урегулирован законом процессуальный порядок примирения сторон в рамках ст. 25 УПК РФ. Тем не менее по этому основанию прекращается значительное количество уголовных дел. Как при этом были защищены права потерпевшего, кто и каким образом осуществлял контроль за осуществлением его прав, поскольку правового механизма такого контроля не существует, остается только догадываться.

До сих пор остается столь же актуальной проблема недостаточно четкой урегулированности порядка уведомления заинтересованных лиц в ходе производства по делу. Следует заметить, что в некоторых случаях УПК РФ проигрывает в сравнении с УПК РСФСР 1960 года. Так, ст. 44 УПК РФ не содержит прямого указания на уведомление о праве на признание гражданским истцом, в отличие от ст. 137 УПК РСФСР. Не до конца последовательно разрешен вопрос об уведомлении заинтересованных лиц о прекращении уголовного дела, что также приводит на

практике к ущемлению прав личности. Разнойой в осуществлении уведомительных процедур ущемляет право заинтересованных в исходе дела лиц на получение информации.

К числу гарантий, направленных на обеспечение прав человека в уголовном процессе, относится жесткое определение сроков производства по делу на разных его этапах и точное выполнение предписаний закона, между тем достаточно хорошо известно, что на практике, начиная со стадии возбуждения уголовного дела, проблема сроков остается одной из наиболее неразрешенных. Они нарушаются на всех стадиях уголовного процесса: затягивается принятие решения о возбуждении уголовных дел, нарушаются сроки содержания под стражей, сроки предварительного расследования, рассмотрения и разрешения дел в судебных инстанциях. Нарушения сроков на досудебных стадиях производства связаны чаще всего с неорганизованностью проведения предварительной проверки материалов, длительностью производства экспертиз, большим объемом следственных действий, перегрузкой следователей, слабой материально-технической оснащенностью правоохранительных структур, неукомплектованностью штатов судов, следственных подразделений и конвойных служб. Однако проблема эта – и следствие несовершенства законодательной регламентации, отсутствия установленных законом гарантий, обеспечивающих выполнение одного из важнейших положений ст. 6 (§1) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод – требования «разбирательства дела в разумный срок». Закон, установив определенные сроки, должен закрепить и гарантии их соблюдения. Уголовно-процессуальная форма призвана обеспечить четкий порядок производства по делу, несоблюдение процедуры означает, что в ее механизме есть недоброкачественные элементы, препятствующие эффективному решению поставленных задач.

Уголовно-процессуальная форма, обеспечивая движение уголовного дела, должна включать регламентацию последовательности процессуальных действий, основания, условия, процедуру и сроки их производства,

требования к их процессуальному оформлению, четкую регламентацию правового положения участников уголовного процесса; гарантии обеспечения их прав и законных интересов, и прежде всего обязанности должностных лиц, осуществляющих производство по делу, а также систему контроля законности и обоснованности действий и принимаемых в ходе производства по делу решений.

Уголовно-процессуальное право, предоставляя субъектам возможность действовать в определенном качестве, наделяет их кругом прав и определяет их обязанности. Исходя из постулатов общей теории правоотношений, субъективному праву, закрепленному в законе, всегда корреспондирует соответствующая ему обязанность. Особенный характер уголовно-процессуальных правоотношений определяется известным обстоятельством: одной из сторон правоотношения всегда выступает правоприменитель (должностное лицо или орган), наделенный государством специальными полномочиями, правом властного веле-ния. Другой участник уголовно-процессуального правоотношения – лицо, подчиняющееся воле компетентного органа или должностного лица, осуществляющего от имени государства функции правоприменителя. Ситуация нередко складывается таким образом, что субъективное право как возможность требовать определенного поведения от других в уголовном процессе противостоит коррелятивной обязанности субъекта применения норм уголовно-процессуального права: органа дознания (лица, производящего дознание), следователя, прокурора, суда (судьи). Таким образом, субъективное право потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого, иного участника процесса для того, чтобы оно могло быть реализовано в полном объеме, независимо от усмотрения того или иного должностного лица, должно быть обеспечено определенными гарантиями.

Определяя правовое положение лица, наделяя его комплексом прав и возлагая на него ряд обязанностей, закон определяет уровень его правосубъектности. От того, как субъект распорядится своими правами: будет ли он пассивен или, напротив, достаточно активен, зависит многое.

В уголовном процессе, где активность субъекта находится в прямой зависимости от усмотрения должностных лиц, наделенных властными полномочиями, проблема эта приобретает особую остроту. Прежде всего субъект, вовлеченный в сферу уголовной юрисдикции, должен узнать о своих правах, определяющих его правовое положение. Уголовно-процессуальный закон возлагает обязанность разъяснения, равно как и обеспечения, прав участвующим в деле лицам на суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание. Казалось бы, права участников процесса гарантированы означенным требованием закона и уголовно-процессуальный закон с его жестким императивным способом регулирования обеспечивает выполнение этого требования.

Но что происходит на практике? Во-первых, обязанность разъяснения, как правило, выливается в оглашение содержания соответствующей статьи УПК с последующей постановкой вопроса о том, понятны ли субъекту его права. Во-вторых, следователь, оттягивая сроки привлечения лица в качестве обвиняемого или признания лица потерпевшим, гражданским истцом, лишает их возможности активного участия в ходе всего производства по делу. В-третьих, отказывая в удовлетворении ходатайств, не позволяет реализовать их права в полном объеме. Практике известны случаи отказа в удовлетворении ходатайств ввиду «нецелесообразности», «ввиду отсутствия необходимости». Эти и подобные «основания» к отказу являются прямым нарушением права обвиняемых на защиту. Практика знает, к сожалению, и случаи прямого противодействия осуществлению прав участников уголовного процесса.

Обязанности органов и должностных лиц, осуществляющих производство по делу, всегда рассматривались в уголовном процессе как важнейшая гарантия прав личности. Но как быть, если эта гарантия «дает сбой»? Примеров тому достаточно. Так, выборочное изучение материалов прекращенных уголовных дел показало, что гражданам не разъясняется их право на возмещение вреда в случае прекращения дела по реабилитирующим основаниям. Случаи обращения граж-

дан в суд с исковыми заявлениями о возмещении морального и материального вреда от незаконных действий органов дознания и предварительного следствия единичны. Изучение кассационной практики показало, что основными причинами снятия дел с рассмотрения были: нарушение судами ст. 358-359 УПК (участники процесса не были извещены о поданных жалобах и представлениях); нарушение ст. 259 УПК (участники не ознакомлены с протоколом судебного заседания); в нарушение ст. 376 УПК имеют место случаи, когда участники процесса не были извещены о сроке рассмотрения дела в кассационной инстанции.

Генеральная Ассамблея ООН в своей Резолюции 34 / 169 от 17 декабря 1979 года, перечисляя ряд аргументов в пользу принятия Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, в частности записала, что принимает Кодекс, «сознавая важность задачи, которую добросовестно и с достоинством осуществляют должностные лица по поддержанию правопорядка в соответствии с принципами прав человека, **памятуя, однако, о возможных злоупотреблениях, которые связаны с осуществлением этих обязанностей...**» [7] «Сознавая... но памятуя», – если бы эти слова стали жизненным кредо каждого, кто облечен властными полномочиями...

Рассуждения об особой значимости обязанностей должностных лиц для обеспечения прав и законных интересов в сфере уголовного судопроизводства в прошлом (в 70-х годах) приводили к хрестоматийным выводам о последовательном возрастании их обязанностей [8]. Нельзя не отдать дань должному: процесс этот имел место, если сравнивать последовательно 50-е, 60-е, 70-е, 80-е годы. Если законы государства становятся лучше, демократичнее, наполняясь новым содержанием, это свидетельство развития общества, его динамики. Но много ли проку от перечисления достоинств совершенствуемого законодательства? А может быть, прав Декарт, утверждавший, что «обилие законов нередко дает повод к оправданию пороков, и государство лучше управляется, если законов немного, но они строго соблюдаются» [9]?

Обращаясь к феномену власти, ученые предлагают анализ нескольких аспектов этого явления: социальный, психологический, политический, гносеологический и организационный. В социальном плане власть рассматривается как «силовое отношение, выражающее реальное доминирование», она означает «способность проявлять свободу действий согласно своим целям и своей воле, что в отношении вторых лиц создает определенную систему ущемлений». В психологическом аспекте «власть есть отношение лидерства», «тактика властвования требует соответствующего личностного антуража (обострение само- и честолюбия, склонности повелевать и т. д.)» [10].

Даже эта краткая характеристика дает достаточно точное представление об отношении «власть – подчинение». Государственная служба, являясь видом социальной деятельности, тесно связана с государством и, собственно, начинается там, где устанавливается должность, т. е. постоянное государственное установление (служебное место), предусмотренное организационной структурой и штатным расписанием государственного органа с точно определенным комплексом прав и обязанностей лица для непрерывного выполнения строго определенной работы [11]. Любое должностное лицо, выполняя возложенные на него функции от имени государства, осознает свою власть, осуществляемую в том или ином масштабе, проявляет в нее свою волю, реализует свои способности.

С точки зрения юридической психологии отношения, возникшие между следователем и иным участником процесса, как одна из форм межличностного взаимодействия неравноценны. Но это общеизвестно, и суть заключается в другом. Способы решения стоящих перед конкретным правоприменителем задач выбираются им самим в зависимости от его способностей, умения, профессионализма, свойств личности и ряда иных факторов. Это может быть сила авторитета, сила убеждения, «железная» логика, основанная на собранных по делу доказательствах, бесспорных уликах, но это может быть и шантаж, угрозы, прямое подавление воли физическими методами воздействия. Низкий уровень компетентности и

профессионализма в органах, призванных осуществлять защиту прав граждан в сфере уголовной юрисдикции, диктует необходимость незамедлительного изменения ситуации. В связи с этим требуется, во-первых, введение дополнительных формализованных ограничений на уровне федеральных законов. Во-вторых, необходимо введение жестких критериев приема тестируемых кандидатов, которые должны прийти на смену формальным характеристикам и рекомендациям. В-третьих, необходимо введение конкурсного отбора по итогам тестирования, как с точки зрения профессиональной ориентации, так и исходя из психофизиологических критериев. Наконец, требуется разработка обязательных программ обучения низового и среднего звена личного состава органов милиции.

Одним из важнейших способов защиты субъективных прав человека в уголовном судопроизводстве является право на подачу жалобы. По вопросу определения юридической природы жалобы на действия и решения органов и должностных лиц существует давний спор. Об этом говорил В.А. Рязановский еще в 1920 году, сравнивая позиции ученых Франции, Англии, Германии. Анализ проблемы привел в свое время В.А. Рязановского к выводу, согласно которому «жалоба об отмене представляет недоразвившийся иск об охране субъективного публичного права, ведущий происхождение из ведомственной жалобы. Сохранившиеся исторические черты последней и составляют особенности этого иска» [12].

Ныне право обжаловать действия и решения должностных лиц и органов, осуществляющих производство по уголовному делу, предусмотрено в разделе пятом УПК РФ. Это, несомненно, весомое достижение отечественного законодательства. Очевидно, что реализация данного права возможна только в случае надлежащего разъяснения его, обязанность разъяснения лежит на должностных лицах, осуществляющих производство по уголовному делу. К сожалению, практика показывает, что нередко такое разъяснение носит формальный характер, не разъясняется конкретный адресат, полномочный рассмотреть жалобу. Но это одна сторона проблемы, другая заключается в том, что в орбиту уголовного процесса могут быть вовлечены лица, не наделяемые законом определенным правовым статусом, интересы которых так или иначе могут быть затронуты в ходе производства по делу: чаще всего в ходе производства отдельных следственных действий. Закон не содержит четкого решения этих ситуаций.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть: обеспечение прав человека в уголовном процессе может быть достигнуто путем использования целого ряда правовых средств, однако не следует забывать, что в немалой степени эффективность правовых возможностей зависит от профессионализма и нравственно-психологических качеств правоприменителя.

Список использованной литературы:

1. См., напр.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М.: Изд. «Юрид. лит.», 1989. – С.150; Уголовный процесс. Общая часть: Учебник для учащихся вузов. – М.: Изд. «Спарк», 1997. – С. 50; Якупов, Р.Х. Уголовный процесс: Учебник для вузов. – М.: Изд. ЗЕРЦАЛО, 1999. – С. 62 и др.
2. Strafprozeßordnung mit Neuregelung des Gnadenverfahrens und Grundrechtsbeschwerde-Gesetz. Herausgegeben von Hofrat Dr. Walter Huber. Eisenstadt, 1994. S. 5.
3. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 6 июня 1997 г. №1408 – II ГД «О проекте уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Ведомости Федерального Собрания Российской Федерации. 1 июля 1997. – №19. – Ст. 907.
4. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. / Под ред. проф. М.Н. Марченко. Т. 2. – М.: Изд. «Зерцало», 1998. – С. 437.
5. См. об этом, напр.: Якупов, Р.Х. Уголовный процесс: Учебник для вузов. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. – С. 107-111.
6. Яни, П. Законодательное определение потерпевшего от преступления. // Российская юстиция. – 1995. – №4. – С. 40-41.
7. Права человека и судопроизводство / Собрание международных документов. – Варшава, 1996. – С. 174.
8. Куцова, Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. – М.: «Юрид. лит.», 1973. – С. 154 – 155.
9. Декарт, Р. Сочинения в 2-х томах: Пер. с лат. и франц. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 260.
10. Гаджиев, К.С., Ильин В.В., Панарин А.С., Рябов А.Б. Философия власти / Под ред. В.В. Ильина. – М.: Изд. Московского ун-та, 1993. – С. 11.
11. Севрюгин, В.Е. Проблемы административного права: Учебное пособие. – Тюмень: ТВШ МВД РФ, ТГУ, 1994. – С. 61.
12. Рязановский, В.А. Единство процесса. – М.: Юр.бюро «ГОРОДЕЦ», 1996. – С. 23.